

# Два не совсем обычных случая

Ежедневно как вол жуя,  
стараясь за строчки драть,  
я  
не стану писать про Поволжье:  
про ЭТО  
страшно врать.  
Но я голодал,  
и тысяч лучше я  
знаю проклятое слово голодные!  
Вот два,  
не совсем обычные, случая,  
на ненависть к голоду самые годные.  
Первый.  
Кто из петербуржцев  
забудет 18-й год?!  
Наддохлым лошадем вороны кружатся.  
Лошадь за лошадью падает на лед.  
Заколачиваются улицы ровные.  
Хвостом виляя,  
на перекрестках  
собаки дрессированные  
просили милостыню, визжа и лая.  
Газетам писать не хватало духу  
но это ж передавалось изустно:  
старик  
удушил  
жену-старуху  
и ел частями.  
Злился  
невкусно.  
Слухи такие  
и мрущим от голода,  
и сытым сумели глотки свести.  
Из каждой поры огромного города  
росло ненасытное желание есть.  
От слухов и голода двигаясь еле,

раз  
сам я,  
с голодной тоской,  
остановился у витрины Эйлера  
цветочный магазин на углу Морской.  
Малы аж не видно! цветочные точки,  
нули ж у цен  
необъятны длиною!  
По булке должно быть в любом лепесточке.  
И вдруг,  
смотрю,  
меж витриной и мною  
фигурка человечья.  
Идет и валится.  
У фигурки конская голова.  
Идет.  
И в собственные ноздри  
пальцы  
воткнула.  
Три или два.  
Глаза открытые мухи обсели,  
а сбоку  
жила из шеи торчала.  
Из жилы  
капли по улицам сеялись  
и стыли черно, кровянея сначала.  
Смотрел и смотрел на ползущую тень я,  
дрожа от сознания невыносимого,  
что полуживотное это  
виденье!  
что это  
людей вымирающих символ.  
От этого ужаса я на попятный.  
Ищу машинально чернеющий след.  
И к туше лошажьей приплелся по пятнам.  
Где ж голова?  
Головы и нет!  
А возле  
с каплями крови присохлой,

блестел вершок перочинного ножичка  
должно быть,  
тот  
работал над дохлой  
и толстую шею кромсал понемножечко  
Я понял:  
не символ,  
стихом позолоченный,  
людская  
реальная тень прошагала.  
Быть может,  
завтра  
вот так же точно  
я здесь заработаю, скаюсь шакалом.  
Второй.  
Из мелочи выросло в это.  
Май стоял.  
Позапрошное лето.  
Весною ширишь ноздри и рот,  
ловя бульваров дыханье липовое.  
Я голодал,  
и с другими  
в черед  
встал у бывшей кофейни Филиппова я.  
Лет пять, должно быть, не был там,  
а память шепчет еле:  
Тогда  
в кафе  
журчал фонтан  
и плавали форели.  
Вздуваемый памятью рос аппетит;  
какой ни на есть,  
но по крайней мере  
обед.  
Как медленно время летит!  
И вот  
я втиснут в кафеинные двери.  
Сидели  
с селедкой во рту и в посуде,

в селедке рубахи,  
и воздух в селедке.  
На черта ж весна, если с улиц  
люди  
от лип  
сюда влипают все-таки!  
Едят,  
дрожа от голода голого,  
вдыхают радостью душище едкий,  
а нищие молят: подайте головы.  
Дерясь, получают селедок объедки.  
Кто б вспомнил народа российского имя,  
когда б не бросали хребты им в горсточки?!  
Народ бы российский  
сегодня же вымер,  
когда б не нашлось у селедки косточки.  
От мысли от этой  
сквозь грызшихся кучку,  
громя кулаком по ораве зверьей,  
пробился,  
схватился,  
дернул за ручку  
и выбег,  
селедкой обмазан  
об двери.  
Не знаю,  
душа пропахла,  
рубаха ли,  
какими водами дух этот смою?  
Полгода  
звезды селедкою пахли,  
лучи рассыпая гнилой чешуею.  
Пускай,  
полусытый,  
доволен я нынче:  
так, может, и кончусь, голод не видя,  
к нему я  
ненависть в сердце вынянчил,  
превыше всего его ненавидя.

Подальше прочую чушь забрось,  
когда человека голодом сводит.  
Хлеб!  
вот это земная ось:  
на ней вертеться и нам и свободе.  
Пусть бабы баранки на Трубной нижут,  
и ситный лари Смоленского ломит,  
я день и ночь Поволжье вижу,  
солому жуящее, лежа в соломе.  
Трубите ж о голоде в уши Европе!  
Делитесь и те, у кого немного!  
Крестьяне,  
ройте пашен окопы!  
Стреляйте в него  
мешками налога!  
Гоните стихом!  
Тесните пьесой!  
Вперед врачей целебных взводы!  
Давите его дымовую завесой!  
В атаку, фабрики!  
В ногу, заводы!  
А если  
воплю голодных не внемлешь,  
чужды чужие голод и жажда вам,  
он  
завтра  
нагрянет на наши земли ж  
и встанет здесь  
за спиною у каждого!